

«Веймарский синдром» угрожает России

Главная опасность стала сегодня тривиально очевидной: с сентября инфляция «танцует» вокруг 25 процентов в месяц. Отсюда постоянная угроза бегства от денег, что делает экономическое, управление крайне затруднительным. Пока, к счастью, нас не втянуло в катастрофическое развитие событий. Против сработали силы сдерживания: масштабы страны и инерционность хозяйства, регионализация рынка; у нас по-прежнему действуют долгосрочные контракты предприятий, сохраняются денежные иллюзии, индексация доходов весьма ограничена. Январский рывок цен в Москве в два раза превысил темпы инфляции в стране. И страна потихонечку все-таки погасила этот всплеск. Но длительное сохранение инфляции на нынешнем уровне постепенно устраняет набор тормозов и самоподдержание инфляции на пороге 25 процентов – это фактор риска, а не стабилизации. К тому же на этих значениях инфляция очень чувствительна к любым сторонним воздействиям. Внешний шок, скажем, шахтерская забастовка, скачок курса доллара на бирже, политическая конфронтация, скандалы Центрального банка с правительством – все это само по себе может подбросить вверх темп инфляции. Сюда же примыкает отсутствие договоров с Западом по задолженности, его бескомпромиссная позиция может выразиться в арестах российских судов с грузами в портах западного мира. Причём, вероятность такого сценария, на мой взгляд, не пренебрежительно мала.

Мне кажется, в ближайшие, по крайней мере, полгода, угроза подрыва денежной системы с печальным набором последствий – замыкание на себя региональных рынков, долларизация экономики, резкое сокращение реального объема денежной массы, вытеснение денег из оборота – может случиться практически в любой момент. Это, пожалуй, самый серьезный из краткосрочных рисков. Здесь я бы обратил внимание на одну довольно неприятную вещь, надеюсь, преодолимую. Мне кажется в последнее время снизилась уверенность в стабильности рыночного развития России, и это автоматически снижает перспективные цены на недвижимость в долларах, подталкивает отток капитала из России, сдерживает долгосрочные инвестиции, стимулирует перевод сбережений, как правило, в валютные активы. На мой взгляд, реальная устойчивость правительства, как ни парадоксально, зависит именно от уверенности отечественного предпринимательства, включая приватизированные госпредприятия. Мне очень не понравилась история с Уфимским заводом, отказавшимся поставлять двигатели заводу «Москвич», пока не получит от государства льготный кредит на 14 млрд. рублей. Когда у поставщика возникает соблазн придержать потребителя и товар,

за который он сразу может получить расчет, – это не очень приятный симптом. Это как раз надежный признак, что денег слишком много. Шансы на такой оборот событий будут постепенно снижаться, если правительству удастся сбросить темпы инфляции хотя бы до 10-12 процентов в месяц. К числу среднесрочных угроз я отношу любые маневры в области приватизации, нарушающие последовательность государственной программы. В некотором смысле дело даже не в том, как будет распределена собственность, хотя, конечно, избыточные права трудовых коллективов порождают проблемы самоуправляющихся предприятий. Коротко говоря, они, в принципе, воспроизводят высокоинфляционную экономику с высокой безработицей. Но главное в другом: всякие изменения правил игры «по ходу» неизбежно ставят под вопрос уже начатый приватизационный процесс и загоняют нас в восточноевропейскую ловушку с постоянными спорами о путях приватизации, бесконечно меняющимися решениями, сложнейшими проблемами возврата собственности и медленным продвижением к созданию частного сектора... Мы сейчас близки к тому, чтобы проскочить сквозь узкое горлышко подобных проблем, и было бы очень обидно сорваться под конец. Если говорить о долгосрочных угрозах, то наиболее серьезной мне видится недостаточная политическая поддержка рыночного развития страны. И в этой связи отсутствие механизма нормальной защиты частной и земельной собственности, контрактного права. На фоне относительно вялых реформ вполне реально получить затяжно застойную экономику. В подобного рода экономике неизбежно и расширенно воспроизводятся социальные проблемы. Мы уже сейчас сталкиваемся с имущественным расслоением общества, падением уровня жизни. Если это исторический эпизод на пути к устойчивому рыночному развитию (а этот цикл довольно ясно просматривается в Восточной Европе, где после острого кризиса стабилизируется объем производства, начинают расти доходы, смягчаются общественные проблемы), то мы должны пережить трудности. Но есть большой риск, особенно при наших социальных конфликтах, получить ситуацию, сходную с германской конца 30-х годов. И это было бы очень неприятно, потому что обнищание низших слоев среднего класса и расслоение в доходах вместе с ностальгией по утраченной империи создают такую взрывчатую смесь, что найдется немало охотников поэксплуатировать ее. В общем, я не исключаю в России «веймарского синдрома». Адекватна ли вызовам времени работа нынешнего правительства? Считаю, что в программе действий, которая была доложена на расширенном заседании Совета Министров 11 февраля, основные акценты расставлены правильно. Не могу не поддержать антиинфляционные приоритеты и те практические меры, которые сформулированы. Можно говорить о том, что еще неплохо бы добавить, но это вопрос почти вкусовой. Неизмеримо важнее другое – в какой степени правительство окажется способным реализовать это, в какой степени у него достанет и внутренней цельности, чтобы последовательно провести реформы, и реальных рычагов противостоять

давлению, которое идет со всех сторон. Не трудно заметить, что уже сейчас в действиях правительства, скажем, в практике финансовой стабилизации появились «нюансы». В программе совершенно справедливо упор ставится на сокращение дотаций по главным направлениям бюджетных расходов. Но параллельно, вполне естественно, под мощным напором лобби, идет увеличение объема дотаций агропромышленному комплексу. Совершенно верно, что дотируют везде в мире, но наблюдается любопытная закономерность: чем больше дотируют, тем ниже темп экономического роста. Это у нас забывают отметить.

Очень трудно будет правительству без поддержки Верховного Совета добиться своих целей в сокращении бюджетного дефицита. Сейчас ВС бюджет не принял. Это в какой-то степени развязывает кабинету министров руки. Но постоянные угрозы, что будут приняты безумно расточительные нормативные акты, существуют. Независимое от правительства изменение пенсий вносит в его финансовую работу элемент неопределенности. Дело даже не в том, надо или нет и насколько повышать пенсии. Дело в том, что если есть независимый от правительства источник мощнейших финансовых возмущений, то о какой-то последовательной политике в денежной сфере говорить довольно сложно.

Серьезный фактор риска, рассогласованность в политике правительства и Центрального банка. Скажем, в таком направлении, как кредитование государств Содружества. В прошлом году сумма технических кредитов составила порядка 1 триллиона руб. и явилась дополнительным источником инфляции, никаких гарантий выполнения программы в ситуации такого инфляционного и политического кризиса, разумеется, быть не может. Смешно бывает, когда люди требуют гарантий. Представьте, что Верховный Совет берет программу Бориса Федорова, читает ее по строчкам, принимает затем несколько решений, полностью подрывающих ее, а потом спрашивает: господин Федоров, а почему вы не выполнили вашу программу? Единственный, в какой-то степени, гарантией может служить то, что иное развитие событий является апокалиптическим и потому предельно опасным. Само то, что Борис Федоров и вообще это крыло в правительстве сумели убедить других принять приоритеты финансовой стабилизации, показывает, что осознание риска гиперинфляции уже достаточно широко распространилось и в кругу, традиционной промышленной элиты, еще недавно, на моей памяти, она не так четко представляла себе цели, задачи и смысл общеэкономических рассуждений. Жизнь заставляет считаться с реальностью. И это важно, это сам по себе фактор надежды.

Сейчас я наблюдаю за происходящим как аналитик и эксперт, но как заинтересованный аналитик и эксперт. Я переживаю все ошибки правительства и радуюсь, когда оно делает, на мой взгляд, правильные вещи. Дело даже не в том, что в правительстве работают мои друзья и коллеги-единомышленники. Просто его удача

закрепит и подтвердит то, что мы пытались сделать в 1992 году, а неуспех сведет все на нет. Но и при этих соображениях я в любых ситуациях не позволяю себе вмешиваться в текущую деятельность кабинета министров. Хотя в отдельных случаях, важных с моей точки зрения, решаюсь дать советы президенту или правительству. Инициатива тут взаимная.